

Н. Суворов

**Из истории развития церковно-
правительственной власти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Суворов**
Из истории развития церковно-правительственной власти / Н. Суворов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 40 с.

ISBN 978-5-458-55834-1

ISBN 978-5-458-55834-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разсматриваетъ въ деталяхъ церковную дѣятельность Константина, въ связи съ подробнымъ изложеніемъ различныхъ религіозныхъ ученій, явившихся въ то время на почвѣ христіанства. Введеніе оканчивается обзоромъ церковнаго устройства въ царствованіе Константина. Церковное устройство остановилось на объединеніи по провинціямъ, но въ силу того значенія, которое приобрѣла императорская власть, выступали отдѣльные епископы, въ качествѣ довѣренныхъ лицъ императора, которые своими совѣтами направляли всю церковную политику императора (до никейскаго собора Озія кордубскій, съ 328 г. Евсевій никомидійскій). Церковное положеніе римскаго, александрійскаго и антioxійскаго епископовъ осталось такимъ, какимъ было ко времени никейскаго собора, т. е. положеніемъ привилегированныхъ митрополитовъ, имѣвшихъ власть не надъ одною провинціей, какъ обыкновенные митрополиты, а надъ нѣсколькими провинціями.

Изъ нижеизлагаемаго обзора содержанія главъ въ книгѣ г. Гидулянова, особенно слѣдующей непосредственно за введеніемъ первой главы, можно заключить, что авторъ напрасно ту часть своего изслѣдованія, съ которою мы познакомились, и которая занимаетъ 193 страницы, т. е. почти $\frac{1}{4}$ книги, назвалъ «введеніемъ». Правильнѣе было бы назвать эту часть первою главою, такъ какъ мы сейчасъ увидимъ, что то, что называется первою главою сочиненія, изложено по тому же плану, какъ и введеніе, только говорится въ ней уже не о Константинѣ, а о сынѣ его Констанціѣ, какъ и всѣ вообще главы слѣдуютъ порядку царствованій.

Такъ прежде всего въ *первой главѣ* изложеніе начинается съ характеристики Констанція, какъ искренняго христіанина, озабоченнаго водвореніемъ въ церкви мира и благоустройства. Но такъ какъ Констанцій не вдругъ, не непосредственно соединилъ въ своихъ рукахъ власть на западѣ и на востокѣ, то авторъ находитъ нужнымъ указать на разницу въ положеніи восточнаго императора и западнаго императора, а говоря о послѣднемъ указать на то, какимъ образомъ слабость западной императорской власти содѣйствовала укрѣпленію власти римскаго епископа. Борьбу между ортодоксальнымъ западомъ и въ большей или меньшей степени аріанствующимъ востокомъ авторъ называетъ борьбою за церковную редепцію, при чемъ вдается въ подробнѣйшую характеристику восточныхъ церковныхъ партій съ ихъ различными вѣроисповѣдными формулами. Излагается въ послѣдовательномъ историческомъ порядкѣ масса соборовъ съ массой именъ епископовъ, участвовавшихъ въ этихъ соборахъ, и отношеніе къ нимъ единовластвующаго императора Констанція съ его дѣятельностію, направленною къ возстановленію разорваннаго партіями церковнаго единства.

Глава первая, подобно введенію, заканчивается обзоромъ церковнаго устройства, которое, по мнѣнію автора, не подвинулось въ своемъ развитіи, т. е. осталось такимъ же, какимъ было при Константинѣ: объединеніе не дальше предѣловъ провинцій, а въ центрѣ императоръ, руководившійся въ своей церковной политикѣ совѣтами довѣренныхъ лицъ (Евсевій никомидійскій, Валентъ мурзійскій, Василиій анкирскій и Акакій кесарійскій). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время, благодаря Евсевию никомидійскому, проводится до конца мысль Константина В. объ основаніи въ Византіи новой столицы путемъ полного приравненія ея старой столицѣ—Риму въ отношеніи сената и магистратуры, чѣмъ намѣчается, можетъ быть и неумышленно, центръ будущаго церковнаго устройства на востокѣ—константинопольскій епископъ.

Глава вторая имѣетъ своимъ предметомъ развитіе высшей церковно-правительственной власти отъ смерти Констанція до вступленія на престолъ Θεодосія Великаго. Обнимаются царствованія Юліана, Іовіана, Валентиніана и Валента, при чемъ авторъ опять входитъ въ разсмотрѣніе различныхъ партійныхъ комбинацій въ восточной церкви. Въ этой главѣ сообщаются историческія данныя о развитіи высшей митрополичей власти въ восточной имперіи на основѣ имперскихъ діоцезовъ (ѳракійскаго, египетскаго, восточнаго, понтійскаго и азійскаго). Но, сообщая эти данныя, авторъ доказываетъ, что дѣленіе восточной имперіи на діоцезы, какъ высшія надъ провинціями административныя единицы, не отразилось на восточной церковной организаціи, которая и за это время, по мнѣнію автора, не подвинулась дальше объединенія по провинціямъ, хотя отдѣльнымъ епископамъ удавалось на нѣкоторое время достигать даже главенствующаго положенія на цѣломъ востокѣ. Авторъ повторяетъ мнѣніе Зонары, что развитіе, совершавшееся въ IV в. въ восточной церкви, было направлено къ образованію не, діоцезальнаго или патріаршаго въ обычномъ смыслѣ устройства, а примата, ибо каждый, сколько нибудь вліятельный, митрополитъ подражая римскому епископу, желалъ сдѣлаться не патріархомъ въ предѣлахъ діоцеза, а главою восточной церкви.

Глава третья носитъ заголовокъ: «Императоръ Θεодосій Великій и православное христіанское царство». Авторъ увѣренъ въ томъ, что на востокѣ императору предносился тотъ же идеалъ, который на западѣ начертанъ былъ въ извѣстномъ сочиненіи Св. Августина: «De civitate Dei». Разница усматривается только въ томъ, что, пройдя сквозь призму императорской власти, ученіе Августина на востокѣ разложилось и потеряло свою іерократическую окраску. При этомъ, повидимому, забыто авторомъ, что іерократическая окраска есть нѣчто не побочное, а существенное въ

міровоззрѣніи Августина, что Августинъ говорилъ не объ единомъ общеніи (государствѣ—церкви), а о двухъ *civitates*, и что Августинъ едвали когда либо могъ дойти до мысли, что императоръ есть глава церкви, а по словамъ Гидулянова, императоръ Θεодосій былъ столько же главою государства, сколько и главою церкви, «слѣдствіемъ чего явилось какъ оцерквленіе, если можно такъ выразиться, римской имперіи, такъ и заимствование церковью римскаго государственнаго устройства». Мы видѣли, что уже со времени Константина императоры искали совѣтниковъ и помощниковъ по церковнымъ дѣламъ въ лицѣ отдѣльныхъ епископовъ. Отличительный характеръ этого помощничества — отсутствіе системы: все основывалось на довѣріи монарха. Со временъ Θεодосія В. это должно было измѣниться: долженъ былъ явиться постоянный помощникъ и совѣтникъ въ лицѣ константинопольскаго епископа, который въ сферѣ церковнаго управленія долженствовалъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ *praefectus praetorio* въ сферѣ управленія гражданскаго. Но въ тому же стремился и александрійскій епископъ, желавшій быть первымъ епископомъ востока и имѣвшій для того много вѣскихъ данныхъ. Нужно было уничтожить это соперничество обезпеченіемъ первенства за константинопольскимъ епископомъ и указаніемъ предѣла, дальше котораго не должна была простираться власть другихъ іерарховъ востока. Такъ явились 2 и 3 правила II вселенскаго собора, состоявшагося въ самомъ началѣ царствованія Θεодосія. Правиломъ 2-мъ было обезпечено положеніе епископа константинопольскаго, какъ перваго епископа восточной имперіи, а правиломъ 3-мъ положенъ предѣлъ власти другихъ іерарховъ востока. Такъ проникло, по словамъ г. Гидулянова, въ каноническое право понятіе церковнаго діѳцеца. Не опираясь, однако, на исторію и не отвѣчая потребностямъ церкви, діѳцезы церковныя, какъ аналогія гражданскимъ, не развились и вскорѣ пали. Гражданскіе діѳцезы Θракія, Понтъ и Азія, вскорѣ послѣ Θεодосія, должны были составить одинъ церковный діѳцезъ (или патріархатъ) епископа константинопольскаго, напротивъ гражданскій восточный діѳцезъ вскорѣ же раздѣлился на два церковныхъ діѳцеца, составившихъ патріархаты антиохійскій и іерусалимскій. Въ одномъ только Египтѣ церковный діѳцезъ совпадалъ съ гражданскимъ, но тамъ діѳцезъ поглотилъ провинцію, ибо церковное устройство провинціи, какъ таковой, въ Египтѣ доказано быть не можетъ. Въ разсматриваемой главѣ авторъ входитъ въ подробное объясненіе правилъ 2, 3, 5, 6 и 7 вышеупомянутаго II вселенскаго собора.

Глава четвертая имѣетъ своимъ предметомъ развитіе высшей церковно-правительственной власти на востоцѣ, въ царствованіе

Аркадія и Θεодосія Младшаго и осуществленіе Маркіаномъ и Пульхеріей церковно-политической программы Θεодосія В. на халкидонскомъ или IV-мъ вселенскомъ соборѣ 451. Въ этой главѣ изображается борьба Александріи съ Константинополемъ изъ за церковнаго первенства при александрійскихъ епископахъ Θεοφιλѣ, Кириллѣ и Діоскорѣ, въ связи съ исторіей соборовъ ефесскаго 431 г. (иначе III вселенскаго), ефесскаго 449 г. (иначе разбойничьяго) и халкидонскаго 451 г. (иначе IV вселенскаго). Объясняются правила 9 и 17 халкидонскаго собора (о подачѣ апелляцій константинопольскому епископу изъ другихъ дієцезовъ) и 28 правило того же собора (о предоставленіи константинопольскому епископу власти надъ тремя дієцезами). Авторъ заявляетъ, что онъ даже и за время, послѣдовавшее за ефесскимъ соборомъ 431 г. не нашелъ никакихъ слѣдовъ существованія дієцезальной системы ни въ азійскомъ, ни въ восточномъ дієцезѣ восточно-римской имперіи.

Сочиненіе какъ бы обрывается. Никакого резюмирующаго обзора и никакихъ выводовъ, которые помогли бы читающему разобратъ въ содержаніи объемистой книги, авторомъ не сдѣлано. Нужно перелистывать книгу и отыскивать то, что сказано въ разныхъ мѣстахъ о «восточныхъ патріархахъ въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ», а изъ изложеннаго мною содержанія книги видно, что авторъ не только не ограничивается патріархами и не только старается выяснитъ положеніе римскаго императора въ церкви, но и входитъ въ подробное разсмотрѣніе борьбы церковныхъ партій съ ихъ вѣроисповѣдными формулами и въ ихъ различной группировкѣ. Въ общемъ, конечно, мысль автора нужно признать правильною. Дѣйствительно, для выясненія процесса развитія восточныхъ патріархатовъ, нельзя оставить въ сторонѣ ни императорскую власть, ни церковныя партіи. Но вдаваться въ подробности, имѣющія чисто богословскій интересъ, съ рискомъ притомъ выслушать отъ богослововъ не совсѣмъ пріятныя замѣчанія на счетъ поверхностности или неточности изложенія, не было никакой надобности. Не останавливаясь на этой сторонѣ сочиненія г. Гидулянова и предоставляя оцѣнку ея богословамъ, замѣтимъ только, что авторъ не всегда точенъ въ передачѣ греческихъ и латинскихъ терминовъ, напр. греческія слова: φθορά (порча, тлѣніе) и ἀφθαρσία (нетлѣнность) г. Гидуляновъ переводитъ на русскій языкъ словами: «грѣхъ» и «безгрѣшность» (стр. 103 и 169). Употребляя русское выраженіе: «не нерожденъ», авторъ въ скобкахъ ставитъ греческое слово: ἀγέννητος, давая поводъ думать, что греческое слово: ἀγέννητος и русское выраженіе: «не нерожденъ» соотвѣтствуютъ одно другому (стр. 101 и 105), между тѣмъ какъ они противоположны, и

если нужно было обозначить греческимъ словомъ русское выраженіе: «не верожденъ», то въ скобкахъ нужно было писать: οὐκ ἀγεννητος. Приписываемое аріанами Христу σῶμα ἄψυχον переводится на русскій языкъ: «бездыханное тѣло» (стр. 166). Бездыханное тѣло — это значитъ мертвое тѣло, трупъ, аріане же приписывали Христу не мертвое тѣло, а тѣло безъ души чело-вѣческой. Это нѣчто совсѣмъ другое. Или напр. на стр. 99 говорится: «Западъ уже со временъ Тертуліана владѣлъ формулой, по которой божество Христа совмѣщалось съ единствомъ Бога. Путемъ традиціи, а не черезъ оффиціальное рѣшеніе здѣсь твердо стояло, что Логосъ ex substantia Patris genitus—unius substantiae съ Отцомъ и Св. Духомъ и привело (что привело?) къ временному положенію о «genitum esse» у Тертуліана» и т. д. Какой смыслъ нужно придавать этому «временному положенію»? Значить ли это, что дѣло идетъ о теоретическомъ положеніи Тертуліана, отъ котораго онъ потомъ отказался, или это есть положеніе Тертуліана о рожденіи Логоса во времени? Если послѣднее, то его и узнать нельзя въ передачѣ г. Гидулянова.

Болѣе необходимымъ я считаю остановиться на той руко-водящей точкѣ зрѣнія, съ которой, какъ выше было указано, авторъ смотритъ на положеніе императора въ церкви. Императоръ, по мнѣнію г. Гидулянова, унаслѣдовалъ отъ общины рецепцію собор-ныхъ постановленій, и отсюда произошла вся его власть! Въ своей магистерской диссертациі: «Митрополиты въ первые три вѣка христіанства» г. Гидуляновъ повторяетъ взглядъ Зома на церков-ную рецепцію, изложенный этимъ послѣднимъ въ его «Kirchenrecht», Въ новомъ своемъ изслѣдованіи: «Восточные патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ» г. Гидуляновъ дѣйствуетъ уже на свой страхъ, производя изъ рецепціи церковную власть императора. У самого Зома, насколько онъ говоритъ о рецепціи не всегда можно уловить логическую послѣдовательность мысли. На стр. 257 Зомъ говоритъ, что епископская община около поло-вины III в. имѣла два органа съ юридическимъ значеніемъ: епи-скопа и общинное собраніе съ пресвитеріумомъ во главѣ этого собранія: изъ общиннаго собранія, продолжаетъ Зомъ, возникъ соборъ, а изъ епископской власти возникла митрополитская и пап-ская власть. Отсюда слѣдовало бы заключить, что рецепція должна была перейти по наслѣдству отъ общины къ собору, который воз-никъ, по словамъ Зома, изъ общины, а между тѣмъ оказывается, что самъ соборъ нуждался въ рецепціи, безъ которой никакія собор-ныя рѣшенія не имѣли правовой силы. Епископы на соборахъ, какъ пророки въ первые времена христіанства, провозглашали, въ чемъ состоитъ воля Божія, но это провозглашеніе воли Божіей

имѣло, выражаясь современнымъ языкомъ, академическій характеръ, такъ какъ было направлено въ неопредѣленное пространство, даже ко всему христіанскому міру, правовой же силы, обязывающей кого-либо, не имѣло ни въ одной части міра, даже и въ томъ мѣстѣ, гдѣ соборъ составлялся, пока община не рецепирована, т.-е. не признала, что соборное рѣшеніе есть дѣйствительно воля Божія. На стр. 450 Зомъ говоритъ, что рецепція общиннаго собранія съ конца III в. уже не сохранилась: мѣсто общиннаго собранія заступилъ съ одной стороны пресвитерій, съ другой соборъ, а съ половины IV в. проведено вообще различіе простыхъ епископовъ и высшихъ епископовъ (т.-е. митрополитовъ). Право созывать соборъ резервировано высшему епископу. Такимъ образомъ рецепція дѣйствія простого епископа съ общиннаго собранія и съ пресвитерія перешла на высшаго епископа съ созваннымъ имъ соборомъ. рецепція же дѣйствія высшаго епископа сдѣлалась достояніемъ этого самаго собора. Какъ скоро затѣмъ къ концу IV в. надъ высшими епископами ставятся еще высшіе епископы (примасы или патріархи), то опять рецепція дѣйствія митрополита и вообще церковно-правовая дѣйствительность его актовъ принадлежитъ не созванному имъ собору, а высшему надъ нимъ самимъ епископу, примасу, и его собору. Дальше Зомъ не идетъ. Ни одного слова о переходѣ рецепціи съ общины и съ собора на императора у Зомы нѣтъ, хотя и онъ, конечно, очень хорошо знаетъ и изображаетъ пространство церковной власти императора. Какъ тонкій историкъ права, онъ едва ли, даже и могъ сказать, что римскій императоръ различалъ сферу церковную отъ сферы государственной такимъ образомъ, что въ первой онъ дѣйствовалъ бы въ силу унаслѣдованной имъ отъ христіанскихъ общинъ и соборовъ рецепціи, а въ послѣдней въ силу перенесенной на него *lege regia* полноты власти, какъ это дѣлается у Гидулянова (стр.73—74).

Итакъ мысль объ императорской рецепціи принадлежитъ не Зому, а г. Гидулянову, и мы увидимъ сейчасъ, къ чему привела его эта мысль.

Объ императорской рецепціи авторъ говоритъ часто, и не всегда въ выраженіяхъ, согласующихся между собою. Изъ того, что императорская рецепція должна была сообщать соборнымъ рѣшеніямъ правовую силу, слѣдовало бы заключить, что власть императора есть власть юридическая, ибо и самъ Зомъ древнехристіанскому общинному собранію усволяетъ значеніе юридического органа общины, именно того органа, который своею рецепціей придаетъ правовую силу всякимъ церковнымъ актамъ. А у Гидулянова на стр. 77 читаемъ: «На никейскомъ соборѣ, подобно тому, какъ на соборахъ II и III вв., выступили двѣ группы: 1)

епископы всей церкви римской имперіи и 2) міряне съ императоромъ, какъ представителемъ міра всей римско-имперской церкви. Взаимоотношеніе этихъ группъ осталось прежнимъ. Рѣшеніе принадлежитъ однимъ епископамъ. Только ихъ голоса считаются. Такъ было на никейскомъ и другихъ послѣдующихъ соборахъ. Что же касается второй группы съ императоромъ во главѣ, то ей принадлежала рецепція. А мы уже видѣли, что кому принадлежитъ право рецепціи, тотъ обладаетъ *фактически* высшею властію. Такъ какъ рецепція прежде всего принадлежала императору, именно какъ представителю міра церкви, то *фактически* къ нему перешла высшая церковная власть». По поводу употребленныхъ здѣсь выраженій: «вторая группа съ императоромъ во главѣ» и «рецепція прежде всего принадлежала императору» придется сказать особо. Что же касается власти, «фактически» принадлежавшей императору, то авторъ, повидимому, серьезно думаетъ, что императорская церковная власть, хотя и основанная на рецепціи, была фактической, а не юридической, и тѣмъ самымъ слѣдовательно должна была рѣзко различаться отъ власти государственной, основанной на *lex regia*. Такъ опъ и еще въ одномъ мѣстѣ говорить (стр. 199): «Какъ мы знаемъ, въ царствованіе Константина В. власть въ отношеніи церковной рецепціи принадлежала *фактически* монарху». Тѣмъ неожиданнѣе слѣдующее разсужденіе: на стр. 64—65: «*Вселенскіе соборы*, особенно первый наиболѣе авторитетный изъ нихъ, никейскій, были *причиною* высшаго церковнаго положенія императора и въ результатъ *юридически обосновали* его высшую церковно-правительственную власть». Оказывается, что не рецепція, а вселенскіе соборы были причиною высшаго церковнаго положенія императора, и что власть его была не фактическая, а юридически обоснованная. Но тутъ надо видѣть какую-то обмолвку: на самомъ дѣлѣ авторъ рецепціи не забываетъ. На стр. 711, говоря о халкидонскомъ соборѣ, онъ разсуждаетъ такъ: «Центральною фигурой, главною пружиною, приводящею въ движеніе весь церковный механизмъ, является императоръ. Онъ—глава и предсѣдатель собора. Онъ созываетъ соборъ, назначаетъ время и мѣсто засѣданія, переноситъ и открываетъ его. Отъ него же зависятъ закрытіе собора и утвержденіе соборныхъ постановленій. Въ качествѣ представителя міра церкви, ему, наконецъ, принадлежитъ предварительная рецепція опредѣленій собора. Съ просьбою объ этомъ, по крайней мѣрѣ, прямо обращаются къ нему отцы халкидонскаго собора. Отсюда вытекаетъ высшая власть императора надъ соборомъ. Въ виду этого, какъ папа Левъ Великій, такъ и другіе отцы церкви прямо обращаются съ просьбою отмѣнить постановленія предыдущаго собора и возстановить истинную вѣру церкви. Такимъ образомъ

императоръ является апелляціонною и кассационною инстанціей для собора». Чуть не каждымъ словомъ въ приведенномъ разсужденіи вызывается недоумѣніе. Повидимому, различаются двѣ категоріи правъ императора надъ соборомъ. Къ первой категоріи отнесены главенство и предсѣдательство на соборѣ, созваніе собора, назначеніе времени и мѣста засѣданій, перенесеніе съ одного мѣста на другое, открытіе и закрытіе собора и утвержденіе соборныхъ постановленій. Ко второй категоріи относится право, принадлежащее императору, какъ представителю міра церкви: рецепція соборныхъ постановленій, и притомъ не просто рецепція, а какая-то предварительная рецепція, о которой будто бы прямо просили императора отцы халкидонскаго собора. Хотя объ этой рецепціи говорится, что изъ нея вытекаетъ вся вообще высшая власть императора надъ соборомъ (въ томъ числѣ слѣдовательно и права первой категоріи), но въ особенности выдвигается положеніе императора, какъ апелляціонной и кассационной инстанціи. Однако, принимая во вниманіе, что всякую церковную власть императора авторъ производитъ изъ рецепціи, мы должны думать, что онъ просто неудачно выразился, какъ будто различая какія-то двѣ категоріи правъ, изъ которыхъ одна, повидимому, не стояла бы въ связи съ рецепціей, а другая имѣла бы свой источникъ именно въ рецепціи. Къ такому толкованію мыслей автора въ особенности побуждаетъ то, что говорится на стр. 77—78: «Переходъ власти въ отношеніи церковной рецепціи на императора долженъ былъ отразиться на его положеніи. Какъ власть общины большого города въ отношеніи рецепцій постановленій провинціального собора создала высшее положеніе митрополита, такъ власть въ отношеніи рецепцій рѣшеній имперскаго собора должна была возвести и поставить императора на первое мѣсто въ церкви. Императоръ пріобрѣтаетъ рѣшительное вліяніе на соборъ. Вселенскій соборъ могъ быть тамъ (и тогда?), гдѣ и когда захочетъ этого монархъ. Императоръ—въ первую голову то, что дѣлаетъ соборъ вселенскимъ. Безъ согласія императора отсюда вселенскій соборъ не мыслимъ» и т. д. Изъ всего этого по моему мнѣнію, слѣдуетъ, что г. Гидуляновъ изъ рецепціи производитъ и созваніе собора, и назначеніе времени и мѣста засѣданій, перенесеніе собора, открытіе и закрытіе собора, вмѣстѣ съ утвержденіемъ соборныхъ постановленій. Но если такъ, то насъ должно поражать то обстоятельство, что императорская рецепція, возникшая, по мнѣнію г. Гидулянова, изъ извѣстнаго намъ источника, сдѣлалась не узнаваемою. Никому до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что древнехристіанская община, или соборъ, отъ которыхъ императоръ будто бы унаслѣдовалъ рецепцію, имѣли право созы-

вать соборъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, открывать и закрывать соборъ, а императоръ, какъ оказывается, имѣлъ эти права, и если онъ получилъ ихъ по наслѣдству отъ кого либо, то во всякомъ случаѣ не отъ «міра церкви», а отъ высшихъ епископовъ. Если же припомнить, что пригласительныя грамоты отъ лица императора епископамъ относительно явки на соборъ иногда содержали въ себѣ угрозу наказаніемъ за неявку, то всякая попытка производить подобныя права изъ рецепціи должна считаться по меньшей мѣрѣ недоразумѣніемъ. Такъ въ книгѣ самого Гидулянова на стр. 82 говорится о пригласительныхъ посланіяхъ на соборъ тирскій 335 г. и на III вселенскій: въ первомъ изъ нихъ епископу, пренебрегшему царскимъ повелѣніемъ и не явившемуся на соборъ, угрожается даже изгнаніемъ съ кафедры; во второмъ говорится, что тѣ, которые не явятся немедленно на соборъ, не будутъ имѣть никакого оправданія ни предъ Богомъ, ни предъ императоромъ.

Больше, повидимому, оснований можно было бы привести въ пользу происхожденія высшей судебной власти по обжалованіямъ изъ рецепціи, такъ какъ и самъ Зомъ изъ руководящей власти большой общины въ отношеніи рецепціи выводитъ «eine Art von Appellation» (Kirchenr, 364). Но Зомъ, какъ выше указано, ничего не говоритъ о переходѣ рецепціи на императора, а если бы и онъ сталъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ г. Гидуляновъ, то ему можно было бы возразить, что самъ императоръ не подозрѣвалъ перехода на него рецепціи. Константинъ В. сначала даже отклонялъ отъ себя разсмотрѣніе апелляцій по церковнымъ дѣламъ и жалобъ на епископовъ, какъ это было съ жалобами донатистовъ до никейскаго собора и съ жалобами, врученными императору передъ открытіемъ никейскаго собора. Донатистовъ онъ порицалъ за то, что они поступили какъ язычники, апеллируя императору на судебный приговоръ собора. Жалобы, поданныя въ Никеѣ одними епископами на другихъ, онъ велѣлъ сжечь не читая, по свидѣтельству одного историка (*Сократа Церк. истор.* I, 8) съ указаніемъ на заповѣдь о взаимномъ прощеніи обидъ, по свидѣтельству другого историка (*Созомена Церк. Истор.* I, 17) съ указаніемъ на свою некомпетентность разбирать судныя дѣла, въ которыхъ и обвинителями, и обвиняемыми являются іереи (т.-е. епископы). И если позднѣе тому же Константину и его преемникамъ приходилось осуществлять высшую судебную власть, то объяснять это нужно не запозданіемъ рецепціи, а просто тѣмъ, что епископы осаждали императоровъ своими жалобами. А какого либо намека на рецептированную, и тѣмъ болѣе на рецептированную отъ «міра церкви» императорскую судебную власть по церковнымъ дѣламъ мы не найдемъ ни въ одномъ историческомъ памятникѣ.

Повидимому, наконецъ, могло бы также быть производимо изъ рецепціи утверженіе соборныхъ постановленій. Община, какъ мы знаемъ изъ Зона и повторяющаго его слова Гидулянова, своею рецепціею сообщала всякимъ церковнымъ актамъ «правовую силу», а при христіанскихъ императорахъ это сообщеніе «правовой силы» церковнымъ актамъ стало императорскимъ правомъ. Но мы опять поражаемся несоотвѣтствіемъ императорской рецепціи тому источнику, изъ котораго она произошла. Утверженіе соборныхъ постановленій императоромъ имѣло тотъ эффектъ, что несогласные съ ними лишаемы были каедръ и должностей и отправлялись въ ссылку,—такого эффекта древнецерковная общинная рецепція навѣрное не имѣла.

Однако, изъ всего вышеизложеннаго видно, что, по мнѣнію г. Гидулянова, на императора была перенесена та рецепція, которая принадлежала общинѣ, или, какъ онъ иначе выражается, «міру церкви». Чтобы не было въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній, приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ разбираемой книги. На стр. 129 явственно говорится: «какъ мы уже говорили, міръ церкви былъ представленъ на соборѣ (никейскомъ) въ лицѣ императора, какъ естественнаго представителя міра церкви всей римской имперіи. Отсюда естественно о какомъ-либо другомъ представительствѣ міра церкви не могло быть и рѣчи». Выше на стр. 90 говорилось: «Вся власть, которая принадлежала міру церкви, перешла на него (императора) и въ лицѣ его, какъ представителя, сконцентрировалась. Отсюда средоточіе (сосредоточеніе?) въ его рукахъ высшей церковной власти законодательной, судебной, «и т. д. На стр. 91: «Рядомъ съ этимъ императоры получаютъ рѣшительное вліяніе при замѣщеніи епископскихъ каедръ. Однимъ словомъ высшая церковно-правительственная власть, насколько о послѣдней можно говорить въ вопросахъ религіи, перешла къ императору. Само собою, отправленію этой власти, вытекавшей вообще изъ права рецепціи, нисколько не мѣшало то обстоятельство, что императоръ—мірянинъ, такъ какъ и раньше власть эта принадлежала міру церкви». Это послѣднее положеніе о принадлежности міру церкви высшей церковной власти во времена, предшествующія христіанскимъ императорамъ, такъ важно, что требовало бы обстоятельной аргументаціи, но у нашего автора оно ничѣмъ не подтверждено, кромѣ извѣстныхъ намъ разсужденій Зона, что рецепція общины придавала «правовую силу» всякимъ церковнымъ актамъ. Мы, однако, видѣли, что не общинѣ и не міру церкви принадлежало право созывать соборъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, открывать и закрывать соборъ, предсѣдательствовать на немъ, такъ что уже по этой одной причинѣ положеніе